

Пролог

КАРЛА ЛЕМАРШАНА

Эркюль Пуаро с интересом смотрел на молодую женщину, вошедшую в его кабинет.

Ее письмо не содержало ничего особенного. Это была самая обычная просьба о встрече, без какого-либо намека на причину. Краткое деловое письмо. Разве лишь четкость почерка наводила на мысль: его автор, Карла Лемаршан, еще очень молода.

И теперь она перед ним — высокая, стройная молодая женщина, немногим старше двадцати лет. Женщина, на которой невольно остановишь взгляд. Одета со вкусом — красивое, хорошо сшитое платье с дорогим мехом. Изящно посаженная голова, высокий лоб, тонкий нос, волевой подбородок. Она была полна жизни, и именно это, а не ее красота, прежде всего обращало на себя внимание.

Перед ее приходом Эркюль Пуаро чувствовал себя стариком, а теперь он как бы вновь родился.

Поднимаясь навстречу девушке, Пуаро заметил, что ее темно-серые глаза внимательно изучают его. Она была очень серьезной и сосредоточенной.

Присев на стул, Карла взяла предложенную сигарету. Некоторое время молча курила, продолжая изучающе рассматривать его.

Пуаро приветливо сказал:

— Итак, необходимо кое-что выяснить, не так ли?

Она вздрогнула:

— Простите, вы что-то сказали?

У нее был приятный, с легкой хрипотцой голос.

204 — Вы пытаетесь установить, шарлатан я или человек, в котором вы нуждаетесь. Разве не так?

Она улыбнулась:

— Да, что-то в этом роде. Видите ли, мсье Пуаро, вы совсем не такой, каким я вас представляла.

— Старше, чем вы думали?

— И это тоже. — Она колебалась. — Видите, я говорю откровенно. Мне нужен — очень нужен — самый лучший сыщик.

— Можете быть спокойны, — сказал Пуаро. — Я и есть самый лучший.

— От скромности вы не умрете, — заметила Карла. — И все же я склоняюсь к тому, чтобы поверить вам.

Пуаро спокойно сказал:

— Видите ли, в нашем деле важны не только мускулы. Мне необязательно наклоняться и измерять следы, собирать окурки или исследовать примятую траву. Мне достаточно удобно устроиться в кресле и думать. Это находится здесь, — он слегка постучал себя по яйцеобразной голове, — здесь то, что работает.

— Знаю, — сказала Карла Лемаршан. — Поэтому и пришла к вам. Понимаете, я хочу, чтобы вы совершили нечто фантастическое!

— Что ж, обещаю вам это! — Эркюль Пуаро бодро посмотрел на собеседницу.

Карла Лемаршан глубоко вздохнула.

— Мое имя, — сказала она, — не Карла. Меня зовут Кэролайн, как и мою мать. — Она сделала паузу. — И фамилия Лемаршан, которую я ношу с тех пор, как себя помню, тоже не моя. Моя настоящая фамилия Крейл.

Он пробормотал:

— Крейл... Как будто припоминаю...

Она сказала:

— Отец был художник, довольно известный художник. Кое-кто утверждает, что он был великий художник. Я думаю, это так.

Пуаро спросил:

— Эмиас Крейл?

— Да. — И после небольшой паузы: — А моя мать, Кэролайн Крейл, была осуждена за его убийство!

— Ага! Теперь я припоминаю, хотя и довольно смутно. В то время я был за границей. Это было так давно...

— Шестнадцать лет назад, — уточнила девушка.

Она побледнела, а глаза стали словно два пылающих угля.

— Вы понимаете... Ее судили и вынесли приговор... Ее не повесили — нашли смягчающие обстоятельства — и осудили на пожизненное тюремное заключение. После процесса она прожила всего год. Понимаете? Все как бы завершено, окончено, похоронено...

Пуаро спокойно сказал:

— Итак?

Девушка, назвавшаяся Карлой Лемаршан, молчала, сцепив пальцы. Вдруг она заговорила. Спокойно, с паузами, с какой-то удивительной внутренней энергией:

— Представьте себе мою роль во всем этом деле. Мне было пять лет, когда... Я была слишком мала, чтобы что-то понять. Конечно, я помню мать и отца, помню, как меня поспешно вывезли куда-то в деревню. Припоминаю поросят, а также полную, симпатичную жену фермера и всех других, которые относились ко мне с любовью. Особенно запомнились какие-то удивительные взгляды — ими встречали и провожали меня крестьяне. Конечно, я знала — дети всегда это чувствуют, — здесь что-то не так, но я не ведала, что именно... Затем было захватывающее путешествие на пароходе — оно длилось много-много дней, и я вместе с дядей Симоном и тетей Луизой очутилась в Канаде, в Монреале. На мои вопросы о маме и папе они отвечали, что те скоро приедут. Потом — не помню, как это случилось, — но я вдруг поняла, что они умерли, хотя никто об этом мне не говорил. Со временем я все меньше и меньше думала о них, чувствовала себя

206 очень счастливой. Дядя Симон и тетя Луиза относились ко мне весьма внимательно. Они послали меня в школу, где я вскоре нашла много друзей. Я совсем забыла, что у меня было когда-то другое имя, другая фамилия, не Лемаршан. Тетя Луиза сказала, что так мое имя произносится в Канаде, и это мне показалось совершенно естественным, а со временем я и вовсе забыла, что у меня когда-то было иное имя...

Вскинув голову, Карла сказала с вызовом:

— Посмотрите на меня! Ведь, встретив меня, вы сказали бы: вот девушка, которой нечего желать. Хорошо обеспечена, крепкое здоровье, приятная внешность... Только и наслаждайся жизнью. В двадцать лет я и не думала, что где-то найдется человек, с которым я хотела бы поменяться судьбой. Но тут как раз и случилось: я начала задавать вопросы. О матери, об отце. Кем они были, чем занимались? Наконец — и это было неизбежно — я обо всем узнала. Мне сказали всю правду. Они были вынуждены это сделать, хотя бы потому, что я достигла совершеннолетия... А потом пришло это письмо. Письмо, оставленное моей матерью перед смертью...

Выражение ее лица изменилось, взгляд потух, глаза уже казались не двумя пылающими угольками, а темными, печальными озерами.

— И вот я узнала правду: мать осуждена за убийство. Это кошмар.

Она помолчала.

— Должна вам рассказать еще кое-что. Я была обручена. Дядя и тетя убеждали, что я должна подождать, не выходить замуж до тех пор, пока мне не исполнится двадцать один год. Когда я узнала правду, поняла, почему они так говорили.

Пуаро, который до сих пор слушал молча, преврал ее:

— А как воспринял все это ваш жених?

— Джон?.. Джон говорил, что это его совсем не

беспокоит, что все это не имеет решительно никакого значения, по крайней мере для него. Существуют только он и я, Джон и Карла, прошлое не имеет значения.

Она немного наклонилась вперед.

— И тем не менее это имеет значение, это важно для меня. Важно и для Джона... Для нас важно не прошлое, а будущее. — Она снова сцепила руки. — Понимаете, мы хотим иметь детей. Это наше общее желание. Но мы не хотели бы видеть, что они растут в вечном страхе.

— Но, — сказал Пуаро, — разве вы не можете предположить, что среди предков каждого из нас вполне могли быть и люди, совершившие преступление?

— Вы не понимаете меня. Конечно, это так. Но ведь над этим никто не задумывается. А мы об этом знаем и думаем. Иногда я замечаю, как Джон смотрит на меня — бросит взгляд, словно молния... Допустим, мы поженимся и когда-нибудь поссоримся... Я замечу вот этот его взгляд...

— Как был убит ваш отец? — прервал ее Эркюль Пуаро.

Карла ответила четко и твердо:

— Он был отравлен.

— Та-ак...

Они помолчали.

— Слава богу, вы меня понимаете. Вы себе представляете, какое это имеет значение! И хорошо, что не придумываете каких-то утешительных обстоятельств.

— Все это я хорошо понимаю! — сказал Пуаро. — Однако я не пойму, чего вы от меня хотите!

Карла Лемаршан сказала с наивной простотой:

— Я хочу выйти замуж за Джона. И я это сделаю! И хочу иметь детей — не меньше двух девочек и двух мальчиков! Вы должны сделать так, чтобы это стало возможным.

— То есть вы хотите, чтобы я поговорил с вашим

208 женихом? А-а, не это? Я говорю глупости! Вы хотите совсем иного. Что ж, скажите, в чем состоит ваша идея?

— Мсье Пуаро, я хочу, чтобы вы поняли, хорошо поняли: я нанимаю вас для расследования убийства.

— Вы хотите сказать, что...

— Да, именно так. Убийство остается убийством, совершено оно вчера или шестнадцать лет тому назад.

— Однако, милая девушка...

— Подождите, мсье Пуаро. Вы еще не обо всем узнали. Есть еще один очень важный момент.

— А именно?

— Моя мать невиновна.

Эркюль Пуаро, почесав нос, проворчал:

— Так, конечно, я понимаю, что...

— Дело здесь не только в чувствах. Есть ее письмо. Мать оставила его для того, чтобы я была полностью уверена — она не убивала, она невиновна. И я должна в этом убедиться.

Эркюль Пуаро задумчиво поглядел на девушку, которая внимательно смотрела ему в глаза. Затем медленно проговорил:

— И все же...

Карла улыбнулась:

— Нет, мсье Пуаро, мать была не такая! Вы думаете, она соврала? Что это святая ложь? — Карла подалась вперед и торжественно прибавила: — Послушайте, мсье Пуаро, есть вещи, которые детям прекрасно известны. Я помню мать — воспоминание, конечно, туманное, но я вполне ясно помню, каким человеком она была. Она не могла кривить душой. Если что-то причиняло ей боль, она говорила об этом откровенно. Шла ли речь о зубном враче, или о занозе в пальце, или о чем-то ином. Я не могу утверждать, что относилась к ней с особой любовью, но верила ей полностью. Верю ей и теперь. И если она пишет, что не убивала отца, то можно быть уверенной: она его не убивала! Не

таких правил это был человек, чтобы излагать — торжественно, на бумаге — ложь. К тому же находясь на смертном одре. 209

Медленно, сам того не замечая, Эркюль Пуаро одобрительно опустил голову.

Карла продолжала:

— Что же касается меня, то я могу преспокойно выходить замуж за Джона. Я знаю, что все будет хорошо. Однако он — нет. Для него вполне естественно, что я считаю мать невиновной, но доказательства... Вот, мсье Пуаро, во что нужно внести ясность. И вы это сделаете!

Эркюль Пуаро ответил задумчиво:

— Даже если признать истиной все сказанное вами, мадемуазель, то все же следует принять во внимание, что прошло шестнадцать лет!

— Разумеется! Это будет весьма сложно! — ответила девушка. — Это никому не под силу, кроме вас.

Глаза Пуаро чуть сверкнули.

— Не хотите ли вы сделать мне комплимент?

— Я много слышала о вас. Больше всего вас интересует психология, не так ли? А это ведь не меняется со временем. Наглядные доказательства исчезли — окурки, следы ног, помятые травинки... Их вы уже не сможете исследовать. Но вы можете заново рассмотреть и изучить все факты, возможно, сумеете поговорить с теми, кто тогда был в доме, — они все еще живы. И тогда... тогда, как вы только что говорили, сможете усесться в кресло и думать. И вы узнаете, что произошло на самом деле...

Эркюль Пуаро поднялся, одной рукой пригладил свои усы.

— Мадемуазель, я растроган! Я оправдаю ваше доверие. Я расследую это убийство. Я изучу факты шестнадцатилетней давности и раскрою истину.

Карла встала. Глаза ее блестели. Однако она ограничилась одним словом:

210 — Хорошо.

Пуаро предостерегающе поднял указательный палец.

— Минуточку. Я сказал только, что раскрою истину. Я не хочу работать с предвзятостью, приняв ваше уверение в невиновности матери. А если она виновна, что тогда?

Карла гордо откинула голову и произнесла:

— Я ее дочь. Я хочу правды.

— Следовательно, вперед! — воскликнул Эркюль Пуаро. — Хотя правильнее было бы сказать наоборот: назад!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

АДВОКАТ

— Помню ли я дело Крейл? — переспросил сэра Монтегю Деплич. — Как же, даже очень хорошо. Керолайн была чрезвычайно приятной женщиной. Правда, неуравновешенной. Совсем не владела собой. — Он искоса поглядел на Пуаро. — А почему вы меня об этом спрашиваете?

— Ради интереса.

— Это до некоторой степени бестактно с вашей стороны, дорогой, — сказал Деплич, обнажив вдруг свои зубы в знаменитой «волчьей улыбке», которая нагоняла когда-то на свидетелей ужас. — Ведь вы знаете, что этот процесс не принес мне успеха. Мне не удалось вытянуть ее сухой из воды.

— Знаю.

— Разумеется, — продолжал сэра Монтегю, — тогда я не имел того опыта, каким обладаю теперь, хотя, кажется, сделал все, что в человеческих силах. К сожалению, многого не достигнешь, если клиент, то есть подсудимый, не помогает тебе. Все же я добился замены смертной казни на пожизненное заключение. Судьи вынуждены были это сделать: слишком много уважаемых дам из высшего общества обратились с ходатайством за нее. К ней относились с большой симпатией.

Он откинулся на спинку кресла, вытянув свои длинные ноги, и стал похож на судью, который раздумывает, взвешивает.

— Если бы она застрелила его или хотя бы заколола, я сделал бы ставку на непреднамеренное убийство.

212 Но яд... Здесь многого не добьешься. Это сложно, очень сложно.

— На чем строилась защита? — спросил Эркуюль Пуаро.

Он прекрасно знал это из газет, но считал, что лучше, если перед сэром Монтегю будет разыгрывать человека совсем неосведомленного.

— Самоубийство! Единственное, на что можно было опираться. Но это совсем не воспринималось. Ведь самоубийство было совсем не в стиле Крейла. Оно просто-напросто было невозможным. Не знаю, были ли вы с ним знакомы... Нет? Так вот, это был человек, в котором жизнь была ключом. Большой любитель пива и неисправимый волокита. Страстно отдавался плотским наслаждениям. Когда речь идет о таком человеке, невозможно убедить присяжных, что в один прекрасный день он уселся и решил свести счеты с жизнью. Не пройдет! С самого начала я понял, что передо мною безнадежное дело. Я понял, что проиграл процесс, еще в тот момент, когда Кэролайн появилась на скамье подсудимых. Никаких попыток борьбы! Так оно всегда происходит: если ты не подготовишь клиента, присяжные сделают свои выводы.

— Вы это имели в виду, когда утверждали, что невозможно ничего достичь без помощи самого подсудимого? — спросил Пуаро.

— Именно так, дорогой друг. Мы же не чудотворцы. Половина успеха в этом единоборстве — это впечатление, какое производит обвиняемый на присяжных. Я знал много случаев, когда присяжные выносили приговоры, прямо противоположные требованиям судьи. «Он совершил это. Что же тут говорить?» — решает присяжный заседатель. Или: «Никогда он не совершит подобного! Что вы мне ни говорите — не поверю!» А в нашем случае... Кэролайн Крейл даже не пыталась бороться.

— Почему?

Сэр Монтегю пожал плечами.

— Меня об этом не спрашивайте. Кэролайн, конечно, очень любила покойного. Она впала в глубокую депрессию, когда поняла, что наделала. И, наверное, никогда уже не пришла в себя после этого шока.

— Следовательно, по-вашему, она была виновна?

Деплич удивился:

— Гм... Я считаю это само собой разумеющимся.

— Она вам когда-нибудь говорила, что виновна?

Деплич удивился еще больше:

— Конечно, нет. У нас есть свой условный код. Невиновность... гм... она всегда предполагается. Однако, поскольку вас так интересует этот случай, мне жаль, что вы не сможете поговорить со старым Мейхью. Он подбирал для меня материалы по делу Крейла. Старый Мейхью мог бы вам сказать значительно больше, чем я. Но сегодня его уже нет — он отдал богу душу... Остался его сын, Джордж Мейхью, но он тогда был совсем мальчишкой. Ведь минуло много лет.

— Понятно. Мне еще повезло, что вы сохранили так много воспоминаний об этом процессе. У вас прекрасная память.

Деплич, казалось, был польщен.

— Видите ли, обычно все припоминаешь лишь в общих чертах. Но если речь идет об обвинении, требующем высшей меры наказания... К тому же в связи с делом Крейла было очень много шума в прессе. Большое внимание привлекла любовная сторона дела. Довольно заметной фигурой была девушка, замешанная в процессе. Мне она показалась весьма привлекательной.

— Извините мою назойливость, — сказал Пуаро, — но я повторю вопрос: у вас не было никакого сомнения относительно виновности Кэролайн Крейл?

Деплич пожал плечами.

— Откровенно говоря... Не было ни малейших со-

214 мнений относительно ее виновности. Да, да, она убила его! Несомненно!

— Какие доказательства выдвигались против нее?

— Все они были в пользу обвинения. Во-первых, мотив. Крейл жил с ней последние годы как собака с кошкой, в бесконечных ссорах. Он все время путался с какой-нибудь женщиной. В этом он был неводержан, такая уж натура. Но Кэролайн как будто все это легко сносила. Она делала скидку на его артистический темперамент, а он в самом деле был художник высокого класса. Ценность его работ ныне чрезвычайно выросла, чрезвычайно! Хотя лично мне не по душе его стиль... Все же его живопись хороша, это безусловно. Как я уже сказал, иногда между ними вспыхивали настоящие баталии. Миссис Крейл тоже не отличалась кротостью. Однако он каждый раз возвращался к ней. Все недоразумения проходили. Но в последний раз произошло по-другому. В тот раз любовница оказалась девушкой, и даже очень молодой. Ей было только двадцать. Звали ее Эльза Гриер. Единственная дочка какого-то йоркширского промышленника. Богатая, решительная, она знала, чего хочет. А хотела она заполучить Эмиаса Крейла. Сначала навязала ему заказ на свой портрет, хотя он обычно не писал парадных полотен типа «Госпожа такая-то в розовом шелке с жемчугами». Однако время от времени он брался за портреты. Не знаю, многим ли женщинам они понравились бы — ведь он не прятал их недостатков! Но портрет мисс Гриер Крейл написал, а заодно и влюбился в нее по уши. Он был давно женат, ему перевалило за сорок, и он ясно понимал, что не может не вызвать улыбку, появляясь перед друзьями со столь юной особой. Он был безумно влюблен и готов был разойтись с женой, чтобы обвенчаться с Эльзой. Само собой, Кэролайн Крейл не могла допустить этого. Она угрожала ему. Два человека случайно слышали, как она говорила, что, если он не откажется от девушки, она его убьет. И она не

шутила! За день до того, как случилось несчастье, они пили чай у одного соседа, который занимался собиранием разных растений и готовил из них лекарства. Использовал он и болиголов пятнистый, как обычно называют это растение, или цикуту. За столом шел разговор о цикуте и ее смертоносном действии. На следующий день наш химик заметил, что из бутылки исчезла добрая половина цикуты. Это встревожило его. Флакончик с цикутой был потом найден в комнате госпожи Крейл.

Эркюль Пуаро заметил:

— Но ведь кто-то другой тоже мог спрятать там флакон.

— Нет, в полиции Кэролайн создалась, что сама взяла яд. Слишком непродуманно с ее стороны, конечно. Но в то время у нее еще не было адвоката, чтобы посоветоваться. Видимо, поэтому она и призналась, что взяла цикуту.

— Зачем?

— Будто бы собираясь покончить с собой. Каким образом флакон оказался почти пуст и со следами только ее пальцев, объяснить не могла. Это чрезвычайно усложнило ее положение. Она утверждала, что Эмиас Крейл покончил жизнь самоубийством. Но если бы он брал напиток из флакона, который она спрятала в своей комнате, тогда были бы отпечатки и его пальцев.

— Яд был ему дан с пивом?

— Да. Она взяла бутылку пива из холодильника и отнесла в сад, где Эмиас работал. Еще и налила в стакан и смотрела, как он пьет. Потом все пошли к ленчу, оставив его в саду, — часто бывало, что он не приходил к столу. Потом Кэролайн и гувернантка нашли его мертвым. Ее версия состояла в том, что пиво, которое она подала, было без яда. В своем выступлении на процессе я сказал, что, почувствовав угрызения совести, Эмиас сам влил яд. Аргумент, конечно же, неубе-

216 дительный. Крейл не был тем человеком, который мог так поступить. А факт — отпечатки пальцев — был весьма весомым. И привел к осуждению.

— Отпечатки их пальцев были обнаружены и на бутылке с пивом?

— Не совсем. Нашли только его отпечатки... Но они вызвали подозрение. Дело в том, что Кэролайн осталась с Крейлом одна — гувернантка пошла звать врача. И она, вероятно, вытерла бутылку и стакан, а потом приложила его пальцы — чтоб можно было утверждать, что она не имеет никакого отношения к делу. Но этот фокус не прошел. Старый Рудольф, который вел расследование, просто потешался над этим трюком, доказав четко и точно, что человек не мог удерживать бутылку в таком положении, как показывают отпечатки пальцев. Понятно, мы сделали все возможное, дабы доказать, что руки его были сведены смертельными судорогами, но наши аргументы оказались неубедительными.

Эркюль Пуаро спросил:

— Цикута была влита в бутылку до того, как она отнесла ее в сад?

— На бутылке не было следов яда, только на стакане.

Деплич умолк, на его красивом лице появилось иное выражение. Вдруг он повернул голову и резко спросил:

— Скажите же, мсье Пуаро, чего вы, собственно, добиваетесь?

Пуаро пояснил:

— Если Кэролайн невиновна, каким же образом оказалась в пиве цикута? Вы утверждали тогда, что Эмиас Крейл сам налил цикуту. Но это совсем не правдоподобно. И я целиком с этим согласен. Крейл был не тем человеком, который может так поступить. Следовательно, если это сделала не Кэролайн Крейл, то, значит, это сделал кто-то другой.

Деплич воскликнул:

— Черт подери! Нельзя же повернуть время вспять! Все это произошло много лет назад. Что говорить — она его убила. Вы почувствовали бы это сами, увидев ее на процессе. Это было написано на ее лице! Мне кажется, что приговор стал для нее облегчением. Кэрролайн несколько не боялась, даже не нервничала. Она просто ждала, чтобы наконец процесс закончился. В самом деле, она умела держать себя в руках.

— И все же, — сказал Эркюль Пуаро, — умирая, она оставила письмо дочери, в котором торжественно клянется в невиновности.

— Это естественно, — ответил сэр Монтегю. — И вы и я поступили бы на ее месте так же.

— Ее дочь утверждает, что она не была способна на ложь.

— Ее дочь утверждает... Что она знает о происшедшем?! Дорогой мой Пуаро, когда происходил процесс, девушка была ребенком. Сколько ей исполнилось — четыре или пять лет? Ей сменили фамилию и отправили из Англии к каким-то родственникам. Что она может знать или вспомнить?

— Иногда дети очень хорошо разбираются в людях.

— Возможно. Но это не тот случай. Естественно, дочь хочет считать свою мать невиновной. Оставим за ней это право. Не вижу в этом ничего плохого.

— К сожалению, она добивается доказательств.

— Доказательств того, что ее мать, Кэрролайн Крейл, не убивала своего мужа?

— Да.

— Ну что ж, она их никогда не получит.

— Вы так полагаете?

Знаменитый адвокат задумчиво посмотрел на своего собеседника.

— Я вас всегда считал порядочным человеком, Пуаро. Что вы хотите сделать? Заработать деньги, играя на чувствах, сердечных чувствах дочери?

218 — Вы ее не знаете! Это исключительная личность, с удивительно твердым характером.

— Я тоже считаю, что дочь Эмиаса и Кэролайн Крейл и должна быть именно такой. И чего же она хочет?

— Она хочет правды.

— Гм, боюсь, что она найдет неприятным вкус этой правды. Откровенно говоря, Пуаро, я не допускаю какого-либо сомнения. Кэролайн Крейл убила своего мужа.

— Дорогой друг, извините меня, но в этом я должен убедиться лично.

— Что ж, я, собственно, не вижу, что бы вы еще могли сделать. Вы можете прочитать сообщения газет. Главным обвинителем был Хэмфри Рудольф. Но он умер. Подождите, кто же был его помощником?.. Молодой Фогг, кажется. Да, Фогг! Вы можете с ним поговорить. И потом — прочий судебный персонал. Не думаю, что им будет приятно ваше вторжение и копание во всей этой истории, но, наверное, вы получите от них то, чего добиваетесь. Вы чертовски настойчивый человек.

— Да... Так о людях, которые имели отношение к тому случаю. Возможно, вы помните их имена?

Деплич на миг задумался.

— Прошло столько времени... Было пятеро, кто в самом деле имел отношение к этой истории, если можно так выразиться. Я не считаю слуг — двух преданных старых, бедных людей, которые ничего об этом деле не знали. Никто не мог их ни в чем заподозрить.

— Следовательно, пятеро. Расскажите мне о них.

— Хм... Один из них — Филипп Блейк, лучший друг Крейла. Они были знакомы давно. Он тогда жил у них... Я иногда встречал его на площадке для игры в гольф. Он живет в Сент-Джордж-Хилле. Работает биржевым маклером. Хорошо знает рынок. Человек, которому везет в жизни. Склонен к ожирению...

— Далее?

— Затем его старший брат. Землевладелец, типичный домосед.

Вдруг в памяти Пуаро всплыли стихи. Он попытался отмахнуться от них, ибо не имел сейчас права думать о детских стихах. Последнее время они почему-то преследовали его, не выходили из головы:

*Один поросенок пошел на базар.
Один поросенок остался дома...*

Он пробормотал:

— Значит, брат Филиппа Блейка сидит все время дома?

— Да. Я вам о нем говорил, это тот, что возился с лекарствами и растениями... Ага, вспомнил: Мередит, Мередит Блейк. Не знаю только, жив ли он.

— Потом?

— Потом виновница всех несчастий: девушка, замешанная в деле, Эльза Гриер.

— *«Кто-то жаркое третьему дал...»* — пробормотал Пуаро.

Деплич с удивлением посмотрел на него.

— Что касается этого поросенка, то ему дали столько, сколько было нужно. Девушка знала, чего хочет, и добилась, чего хотела. С тех пор она уже трижды выходила замуж. Она начинает и заканчивает бракоразводные процессы с чрезвычайной ловкостью. И каждый раз у нее на примете что-то лучшее. Теперь она леди Диттишем. Раскройте любой номер «Тейтлера» — и наверняка ее встретите.

— Ну а оставшиеся двое?

— Гувернантка. Не помню уж ее имени, но добропорядочная и способная женщина. Томсон... Джонс — что-то в этом роде. И еще был ребенок, сестра Кэрлайн Крейл по матери. Ей тогда было лет около пятнадцати. Теперь это леди с именем. Она археолог, путешествует в экзотических краях. Уоррен, Анджела Уор-

220 рен, молодая особа, вызывающая всеобщий интерес. Я встретил ее несколько дней назад...

— Следовательно, не она поросенок, который заплакал?

Сэр Монтегю посмотрел на Пуаро удивленно. Наконец сказал:

— Ей было о чем плакать! Она изуродована... Не знаю, известно ли это вам, но у нее ужасный шрам на лице. И... Но вы обо всем этом узнаете сами!

Пуаро встал.

— Благодарю. Вы были очень любезны. Если миссис Крейл не убила своего мужа...

Деплич перебил его:

— Но она убила его, дорогой мой. Убила! В этом я убежден.

Пуаро продолжал, словно не заметив, что его перебили:

— ...тогда логично полагать, что его убил кто-то из этих пятерых.

— Я думаю, что кто-то из них мог бы это сделать, — сказал Деплич, — но я не вижу для чего. У остальных не было никаких причин! Да, я уверен, никто из них не мог убить. Надо выбросить из головы эту мысль.

Эркюль Пуаро только улыбнулся, слегка покачав головой.

Глава 2

ПРОКУРОР

— Несомненно, виновна! — лаконично изрек мистер Фогг.

Эркюль Пуаро задумчиво посмотрел на худую фигуру прокурора.

Квентин Фогг являл собою прямую противоположность Монтегю Депличу. Последний был лично-

стью магнетической, эгоистичной и склонной к полемике. Деплич производил эффект быстрыми и драматичными изменениями поведения. Великодушный, приветливый, очаровательный, он мог мгновенно стать совсем иным: какая-то хищная улыбка открывала его зубы, готовые, казалось, вас разорвать.

Квентин Фогг был худошав и бледен, его индивидуальность не была так ярко выражена. Его вопросы были спокойны, не выказывали никаких чувств, отличались настойчивостью и твердостью. Если Деплича можно сравнить со шпагой, то Фогг скорее напоминал бурав. Он никогда не пользовался славой, но был известен как олицетворение законности и, как правило, выигрывал процессы.

Эркюль Пуаро посмотрел на него задумчиво:

— Итак, таково ваше впечатление?

Фогг утвердительно кивнул.

— Видели бы вы ее на скамье подсудимых! Старый Хэмфри Рудольф, который вел следствие, разделал ее как господин черепашу.

Он умолк на миг и неожиданно добавил:

— Собственно говоря, знаете, удовольствие было слишком легким.

— Не понял вас... — сказал Эркюль Пуаро.

Фогг свел четко очерченные брови. Его холеная рука поглаживала верхнюю безусую губу.

— Как бы лучше выразиться?.. Не стреляй в птицу, которая сидит. Это чисто английская поговорка. Она лучше выражает мою мысль. Сейчас вы меня поняли?

— Это поистине, как вы сказали, английская поговорка. И я, кажется, понял вас. Как в уголовных делах, так и в охотничьих угодьях англичанину нравится, чтоб жертва также имела шанс. Это — спортивная точка зрения.

— Абсолютно верно. В данном случае обвиняемая не имела ни одного шанса. Хэмфри Рудольф делал с ней все, что хотел. Сначала допрос учинил Деплич.

222 Она выдержала его смиренно и покорно, как девочка на конфирмации. На вопросы Деплича она отвечала будто заблаговременно выученными фразами — очень гладко, но абсолютно неубедительно! Ее научили, что необходимо говорить, и она говорила. Деплич не был в этом повинен. Старый лис сыграл свою роль отменно. Но на всякой сцене должно быть два артиста, единственный не может вести всю пьесу. А она не подавала ему необходимых реплик. И тогда поднялся старина Хэмфри. Я полагаю, вы имели случай видеть его... Он взмахнул своей мантией, покачался, будто пятился назад, а затем... Он заманивал ее в бесчисленное множество капканов, и каждый раз она в них попадала.

Он принуждал Кэролайн соглашаться с абсурдностью ее заявлений, заставлял противоречить самой себе, увязать все дальше и дальше во лжи. И наконец, подал свое обычное блюдо — веско и решительно сказал: «Я считаю, миссис Крейл, что ваш рассказ о цикуте, которую вы похитили якобы для самоубийства, от начала и до конца выдумка. Вы взяли ее с целью дать вашему мужу, который хотел вас оставить и сойтись с другой женщиной. И вы действительно обдуманно дали ему яд». Кэролайн Крейл посмотрела на него — она была такая очаровательная, нежная, тонкая — и сказала: «Ой, нет, нет, я этого не делала!» Это была самая неуклюжая, самая неубедительная защита из всех, какие мне доводилось слышать. Я увидел, как Деплич нервно завертелся на стуле. Он сообразил, что в эту минуту все уже было проиграно.

Фогг немного помолчал и продолжал:

— Присяжные поняли, что это создание не имеет ни малейшего шанса на спасение. Она даже не была в состоянии защищать себя. Стало очевидно, что любой ее аргумент разгромил бы старый пень Хэмфри. Все почувствовали, что она погибла.

Но это было, если хотите, самым лучшим, что она

могла сделать. Перерыв, когда присяжные ушли на совещание, продлился не более получаса. Их решение звучало так: виновна, но заслуживает снисхождения. И, понимаете, на самом деле контраст между нею и девушкой, замешанной в процессе, был в пользу Кэролайн. К той с самого начала присяжные отнеслись с антипатией. Она, однако, с этим не считалась и ни на минуту не теряла спокойствия. Очень красивая, с головой на плечах, современная, она для присутствующих на процессе женщин была одиозной фигурой — типом женщины, которая рушит семейный очаг. Любая семья всегда находится в опасности, если вблизи такие девицы, из которых так и брызжет секс и которые с презрением относятся к правам женщин-матерей. Надо признать, что она не жалела себя. Она была по-своему честна, искренне сознавшись в том, что полюбила Эмиаса Крейла, как и он ее, и что она ни на минуту не колебалась в своем желании увести его от ребенка и жены.

Я и то был восхищен ее смелостью. Деплич с пристрастием ее допрашивал, но она выстояла. Присяжные, однако, не симпатизировали этой девице. И судье она не понравилась. Судьей был старый Эвис, довольно легкомысленный в молодости, ставший большим моралистом, когда надел мантию. Его обвинительная речь против Кэролайн Крейл — это воплощение милосердия. Он не мог отбрасывать факты, однако довольно ощутимо намекал на то, что обвиняемая была спровоцирована.

Эркюль Пуаро спросил:

— Он не поддерживал концепции защиты, то есть самоубийства?

Фогг покрутил головой.

— Эта версия, по сути, никогда не воспринималась всерьез. Я не хочу сказать, что Деплич максимально не воспользовался ею. Он был великолепен. Он создал волнующий портрет человека, исполненного душев-

224 ности, темперамента и стремления к наслаждениям, внезапно охваченного страстью к молодой красивой девушке, человека, которого мучает сомнение, но не способного устоять. Затем — чувство гадливости, неуважения к самому себе, муки совести из-за собственного аморального отношения к жене и ребенку и, наконец, неожиданное решение покончить со всем... Единственный честный выход! Прошу вас верить мне: это было волнующее выступление! Речь Деплича вызвала у многих слезы. Представьте себе несчастного человека, раздираемого борьбой между собственными страстями и глубокой порядочностью. Эффект был колоссальный! Однако стоило ему закончить свою речь, как чары развеялись, и уже ничто не могло связать этот воображаемый образ с личностью Эмиаса Крейла. Все знали о нем слишком много. А Деплич не сумел привести ни одного доказательства, которое подтвердило бы его версию. Можно сказать, что Крейл был человеком, который совсем не имел совести, даже самой элементарной, был равнодушным, себялюбивым, эдаким жизнерадостным эгоистом! Если у него и были когда-то моральные принципы, то только в отношении живописи. Я убежден, что он никогда не позволил бы себе написать плохую картину. Но во всем остальном он проявлял безудержный темперамент, обожествлял жизнь, любил ее страстно и пылко. Чтобы он покончил самоубийством? Все, что угодно, только не это!

— Возможно, была избрана не наилучшая защита?

Фогг пожал своими узкими плечами.

— Какую еще защиту можно было выбрать? Это был необычный процесс, и обвинению даже не надо было искать доказательств против обвиняемой. Доказательств было много, слишком много. У Кэролайн был яд, она созналась, что выкрала его. В наличии ведь все возможные доказательства: средство, мотивы преступления, удобный случай — все!

— А разве невозможно было попробовать доказать,

что все эти обстоятельства искусственные, инсценированные?

Фогг ответил решительно:

— Она сама их признала, во всяком случае, большинство из них. Но как бы то ни было, ваша мысль вполне естественна. Вы хотите сказать, что кто-то иной убил Крейла, но так все это обставил, чтобы свалить вину на нее?

— Полагаете, что подобную версию невозможно защищать?

Фогг сказал спокойно:

— Боюсь, что так. Вы намекаете на какого-то таинственного Икса. Где его искать?

Пуаро сказал:

— В узком кругу, разумеется. Было лишь пятеро, которые могли иметь отношение к делу. Не так ли?

— Пятеро? Сейчас посмотрим. Прежде всего тот эксцентричный и старомодный тип со своей манией изготовления лекарств из трав. Небезопасное увлечение! Хотя приятный человек. Немного, правда, непонятный. Я не представляю его себе в роли Икса... Затем та девушка. Она могла бы убраться Кэролайн, но, конечно, не Эмиаса. Потом биржевой маклер — лучший друг Крейла. Подобное можно встретить в полицейских романах, только не в обыденной жизни. Больше никого не осталось... Подождите! Младшая сестра — еще ребенок. Ей невозможно предъявлять серьезные претензии. Итак, всего четверо.

Эркюль Пуаро прибавил:

— Вы забыли гувернантку.

— Да, правда. Эти бедные гувернантки... Всегда о них забывают! Все же я смутно припоминаю ее. Довольно некрасива, но очень способна. Представляю себе, какой-нибудь психолог сказал бы, что она воспылала греховной страстью к Крейлу и потому убила его. Отвергнутая старая дева!.. Я просто-напросто в это не верю! Мои воспоминания, хотя немного и бледные,

226 застарелые, не дают основания видеть ее неврастеничкой.

— С тех пор прошло много времени.

— Читайте, лет пятнадцать-шестнадцать... Да, именно так... Поэтому не особенно рассчитывайте на мою память.

Эркюль Пуаро возразил:

— Наоборот. Я вижу, что вы помните обо всем слишком хорошо. Меня даже удивляет, как твердо вы держите в памяти события. Когда вы рассказываете о судебном процессе, видимо, эти образы проходят перед вашими глазами?..

Фогг сказал медленно:

— Да. Вы правы. Я снова вижу все очень четко.

— Мне интересно, дорогой друг, очень интересно, можете ли вы объяснить — почему?

— Почему?

Фогг задумался. Его тонкое, умное лицо было сосредоточенно.

Пуаро изменил вопрос:

— Вспомните, что именно вы ясно видите? Свидетелей? Адвоката? Судью? Обвиняемую на скамье подсудимых?..

— Ну, конечно же... Это и есть причина! — сказал Фогг тоном человека, который наконец в чем-то разобрался. — Конечно! Вы указали причину. Всю мою жизнь я буду видеть ее! Удивительно, как поражают романтические события. Потому что в ней действительно было что-то романтическое. Не знаю, была ли она в самом деле красива. Она была не очень молода, казалась утомленной, видны были синяки под глазами. Но все и вся сосредоточивалось вокруг нее. Она была героиней этой драмы. И, удивительная вещь, почти все время ее будто не было там. Казалось, она далеко-далеко, хотя сидела спокойная, внимательная, с легкой вежливой улыбкой на устах. Вся она была словно в полутонах, понимаете, в переходах тени и

Содержание

РАЗ, ДВА — ПРЯЖКУ ЗАСТЕГНИ. Роман.	
<i>Перевод В. Турдатова</i>	5
ПЯТЬ ПОРОСЯТ. Роман.	
<i>Перевод С. Никоненко</i>	201